

Николай Безлепкин

ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ К. С. АКСАКОВА

Статья посвящена рассмотрению философско-лингвистического учения К. С. Аксакова. Показано, что славянофильская идея об уникальности исторического пути России нашла свое воплощение и в русской философии языка. Язык, по Аксакову, живет в неразрывном единстве с духом и мыслью народа, поэтому история языка воспринималась им как история народа. Он полагал, что подобно тому, как духовное и социальное развитие русского народа обладает своим, уникальным историческим опытом, так и русский язык выработал свои, особые языковые формы, отражающие этот опыт. Аксаков был убежден, что без последовательного осмысления конкретно-исторической среды обитания языка народа невозможно установить его подлинное значение. В основе исследования философии языка Аксакова лежит историко-сравнительный метод, предполагающий применение процедур установления исторического тождества и различия философских учений о языке, раскрытия оснований, позволяющих сближать и разграничивать подходы в понимании основополагающих проблем природы и сущности языка. Актуальность статьи обусловлена как проблемами развития современной лингвистической науки, так и современными исследованиями лингвофилософских взглядов Аксакова. Делается вывод о том, что философия языка Аксакова является образцом глубокого и комплексного изучения языка, сочетающего в себе передовые научные методы и эволюционистский подход, учитывающий влияние исторических и социокультурных факторов.

Ключевые слова: философия языка, славянофильство, К. С. Аксаков, логика, всеобщая грамматика, глагол, сравнительно-исторический метод, бытие слова.

The philosophical and linguistic theory of the Slavophile K. S. Aksakov is considered. It is shown that the Slavophile idea that Russia follows its own unique way of historical development has influenced Russian philosophy of language. According to Aksakov, language functions due to its being closely related to the spirit and thought of the people, therefore he believed that the history of the Russian language is the history of the people. He claimed that the spiritual and social development of the Russian people is characterized by its own unique historical experience, therefore the Russian language reflecting this experience has developed specific language forms. Aksakov insisted that to realize the true meaning of the language was impossible without studying its historical, cultural, and religious background. When analyzing Aksakov's philosophy of language, the author uses the historical comparative method which helps him to determine both the historical identity of various language philosophies and what differs them from each other. This method is also used to better understand the essence of language as it is considered by thinkers following different approaches. The relevance of the article can be seen in the fact that it concerns the problems of the development of modern linguistic sciences. Moreover, Aksakov's language philosophy has been the subject of lively discussion lately. It is concluded that the language philosophy of Aksakov can serve as a model for contemporary philosophers as it is a comprehensive study based on advanced scientific methods and the evolutionary approach stressing the influence of historical and socio-cultural factors.

Keywords: language philosophy, Slavophilism, K. S. Aksakov, logic, general grammar, verb, comparative historical method, life of a word.

Возникновение философии языка – закономерное явление в истории русской философии. Философия языка в России представляла собой не столько особый способ рационального освоения мира, сколько попытку антропологически-экзистенциального осмысления цельности и полноты бытия. Отсюда повышенный интерес к языку в истории отечественной мысли, что нашло свое особо яркое воплощение в лингвофилософии славянофилов, которые оказались представителями одного из самых «филологических» общественных движений. Славянофилы отвечали на главный вопрос споров с западниками с позиций «русского народного воззрения», выраженного в общественном быте народа, его языке, обычаях и песнях.

Главенствующее место среди славянофилов, обратившихся к изучению национального языка и его роли в цивилизационном развитии России, принадлежит К. С. Аксакову, двухсотлетие со дня рождения которого довольно скромно было отмечено в прошлом году. Славянофильская идея уникальности исторического пути России была осмыслена К. С. Аксаковым на лингвистическом материале. Им было разработано целостное философско-лингвистическое учение, опирающееся на изучение языковых форм и их роли в грамматике русского языка и в отечественной культуре, получившее признание в филологической науке и вызывающее по сей день горячие споры и обсуждения в среде ученых.

К. С. Аксаков полагал, что подобно тому, как духовное и социальное развитие русского народа обладает своим уникальным историческим опытом, так и русский язык выработал свои особые языковые формы, отражающие этот опыт. Поэтому нет никакой необходимости подражать или следовать чуждым и заимствованным формам. «Первый вопрос грамматики, – отмечает К. С. Аксаков, – заключается в том, вследствие каких законов слово человеческое, выражая мысль, приняло такие и такие формы» [1, с. 6]. Обращение к проблемам формы представляло собой не частный случай размышлений о ее проявлениях в общественной жизни, а было имманентно присущей славянофильству идеей, связанной с отысканием таких форм общественной жизни русского народа, которые бы поддерживали связь эпох, последовательность национального развития. «Настало время для науки, – считает К. С. Аксаков, – обратиться к самому русскому языку, к самой русской истории и прочим областям знания, и обратиться со взглядом ясным, без иностранных очков, с вопросом искренним, без приготовленного заранее ответа, – и выслушать открытым слухом ответ, какой дают русский язык, русская история и пр.» [2, с. 411].

В незавершенном труде «Опыт русской грамматики» К. С. Аксаков, опираясь на гегелевскую методологию, показывает, как

осуществляется развитие слова, которое «есть внешнее земное проявление разума; в слове все разумно», «слово есть акт сознающего разума» [3, с. II–III]. К. С. Аксаков выразил неприятие универсальных схем всеобщей грамматики при объяснении природы и сущности русского языка, широко культивировавшихся в отечественном языкознании. «Было бы очень ошибочно, – отмечает он, – строить и распределять язык по отвлеченным законам логики» [4, с. 530]. К. С. Аксаков выдвигает принципиально иной метод грамматического описания, состоящий не в подведении языкового материала под универсальную схему, а в создании грамматики, построенной на выведении теории из материала русского, старославянского и церковнославянского языков.

В своей магистерской диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», а позднее в работе «Критический разбор “Опыта исторической грамматики русского языка” Ф. Буслаева» он выражает неприятие стремления втиснуть все разнообразие грамматической системы в узкие, надуманные рамки формальной логики. К. С. Аксаков пишет, что «при составлении русской грамматики всего менее думали о русском языке: думали о готовых формулах иностранных грамматик, о данных формах, в которые следовало втиснуть русский язык» [5, с. 391]. Для осмысления особенностей русской грамматики непригодны никакие готовые понятия и категории, считал он.

К. С. Аксаков, испытавший влияние гегелевской философии, тем не менее, не разделял взглядов немецкого философа на язык. Приоритет мышления над языком, устанавливающий диктат логики над грамматикой, решительно был неприемлем ему. Диалектическое решение проблемы соотношения логики и грамматики привело мыслителя к выводу, что отождествление логических категорий с грамматическими формами так же ошибочно, как и отделение логики от грамматики. Отождествление логики и грамматики приводит к игнорированию исторической обусловленности природы языка, его связи с народом, оставлению за ним сугубо орудийной функции как средства мыслительной деятельности. Между тем, язык есть воплотившаяся мысль, «не только посредством языка человек выражает мысль свою, но в языке самом, в его создании и построении – от образования слов до малейших его изменений – выразилась мысль, или, лучше, мышление, человека» [4, с. 530]. В то же время, как существо разумное, человек рефлексивует изменения в языке, логически их обрабатывает. Логическая сторона языка, считает К. С. Аксаков, может быть «лучшей руководительницей» в научном осмыслении природы и сущности языка, его эволюции.

Язык, в понимании К. С. Аксакова, является формой свободного выражения духа, сущего, мысли. «Язык – это необыкновенное, чудесное явление, каждый день повторяющееся, это необыкновенное существование всего сущего мира в новых соответственных формах» [5, с. 321]. Сущность мира, дух, является в языке, его формах, а язык есть существенное. Исходя из общих представлений о связи мышления и языка мыслитель раскрывает диалектику мысли и слова, составляющих его суть: «В самом высшем своем полете, своем существовании, она (мысль) носит на себе это слово, отвлекаемое вместе с нею... Но слово тут, и без него нет и не было бы мысли: и всегда, остановившись, можно взглянуться в конкретность его существования, выражения, формы. С другой стороны, и слово само по себе не остается как бы одно, покинутое мыслью... В нем всегда мысль... и нераздельна связь мысли со словом, как нераздельна связь содержания с выражением, идеи с формой, конкретно выразившаяся» [5, с. 322].

К. С. Аксаков пытается найти объяснение тайн природы языка, воплощения мысли в слово. Если язык есть бессознательно данная народу разумная форма, то слово «само создано человеком от природы» [5, с. 327], считает он. Связанное с природой человека, слово в материи языка обретает свою объективность, близкую развивающемуся духу. Оно все проникнуто духом, через него просвечивается мысль. Слово придает мысли «конкретность существования, выражения, формы. Оно тело мысли. В своих сочетаниях с другими словами, частицами, облеченное в звуковую плоть, слово образует язык» [1, с. 4]. Язык представляет собой форму, в которой «сама мысль окончено здесь является», в нем всегда мысль, «слово выразило ее» [5, с. 296, 322]. Мышление, как выражение предмета в знании, не может существовать без соответствующего ему языка. Язык есть необходимая принадлежность разума, конкретно явившего, выразившего обладание природою через сознание и только через это обладающего ею. Слово – «это голос сознающего разума, данного свыше» [3, с. 1]. Язык и мышление не могут быть отделены друг от друга, поскольку «одно выразилось в другом». Неразрывная связь мышления и языка, по убеждению мыслителя, указывает на способность человека охватить мир посредством языка.

Размышления о природе языка и слова подводят К. С. Аксакова к вопросу о свойствах языка. В качестве атрибутивных свойств языка он рассматривает его свободу, бытийность, существование в пространстве и времени. Характеризуя эти свойства применительно к родному языку, он в первую очередь указывает на внутренне присущую ему свободу как «существеннейшее свойство русского языка» [6, с. 406], которое, по мнению мыслителя, обуслов-

лено глубокой сущностью самого русского народа. Вечное движение языка и мысли, подтверждаемое историей русского языка, было бы, считает К. С. Аксаков, невозможным вне свободы духа. Развитие обуславливает свободу, а свобода невозможна без развития. Русский язык – это развивающееся целое, где «ни одна буква не застоялась, в нем каждый звук живет и изменяется» [1, с. 13]. Сопоставляя русский язык с немецким и французским, К. С. Аксаков пытается обосновать состояние свободы как всестороннюю развитость форм разговорного и письменного русского языка, соединяющего в себе достоинства и того, и другого.

Бытие слова, языка – это особый мир со своими законами, где сознание, разум как бы уравнились с бытием природы. Этот мир языка, как и природа, живет и развивается в двух формах своего существования – пространстве и времени. Пространство и время выступают как те необходимые формы существования, посредством которых функционирует и развивается язык, распределяясь по своим ролям (частям речи) в зависимости от выражаемых качеств, действий или отношений. Эти свойства логично вытекали из представлений К. С. Аксакова о конкретно-исторической среде обитания языка народа. Он был убежден, что без последовательного осмысления смысла слова во времени невозможно установить его подлинное значение. Пространство языка существует в строго определенном времени, что позволяет языку быть адекватной формой выражения бытия народного духа.

К. С. Аксаковым была верно схвачена склонность русского языка к пространственно-событийному представлению реальности бытия народа. «Под этими двумя формами предстала природа в понятии человека: под формой пространства, как предмет, под формой времени, как действие» [1, с. 6]. В слове пространство выступает в виде имени, а время – в виде глагола. Эти две части речи, будучи главными в языке, являются наиболее общими и в процессе отвлечения человеческой мысли от общего к конкретному имеют свои дальнейшие определения в разных частях речи. Методом философской дедукции и диалектического анализа К. С. Аксаков выводит систему грамматических категорий русского языка, взяв за исходное имя существительное и глагол.

В философии языка К. С. Аксакова особое место отводится глаголу, где, по мнению мыслителя, сильнее всего обнаруживается национальное своеобразие русского языка. «Глаголы нашего языка, – пишет он, – остаются во всей своей непокорной самостоятельности, не поддающейся теоретическим объяснениям» [2, с. 409.]. Система русского глагола, считал К. С. Аксаков, отлична от глаголов других языков прежде всего отсутствием форм времени, кроме настоящего. «Но настоящее одно, без понятия прошед-

шего и будущего, не есть уже время: это бесконечность... следовательно, и так называемое настоящее русского глагола, независимо от времени, высказывает не время, а нечто другое» [3, с. 403]. В русском глаголе ярче всего выступает качество действия или степень, характер его осуществления. В этом, по мысли К. С. Аксакова, заключается источник единства и цельности русской глагольной системы. При этом он различает три способа или три вида выражения действия: определенный, мгновенный, неопределенный и многомгновенный (иначе, однократный, неопределенный и многократный). Категория вида выступает у К. С. Аксакова как центр спряжения в русском языке. Все видовые формы – «формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества действия; понятие же времени... есть выводное из качества действия» [3, с. 40]. Поэтому русские глаголы отличаются необыкновенным многообразием психологических оттенков.

Употребление и значения форм глагола в русском языке крайне разнообразны. «Чтобы найти основу изменчивых явлений действия, – писал К. С. Аксаков, – нужно погрузиться вовнутрь самого действия, нужно психологическое, так сказать, исследование, чтобы понять внутреннее единство сего, во внешности волнующегося мира» [2, с. 417]. Эта позиция проясняет вопрос об отрицании им временных форм глагола в русском языке, что, как правило, рассматривается как недостаток аксаковской грамматики. Хорошо зная древнерусские памятники письменности, К. С. Аксаков усвоил особенности восприятия времени нашими предками.

Специфичность восприятия времени на Руси заключалась в том, что древнерусскому сознанию было свойственно нелинейное представление о времени, в соответствии с которым каждое событие сменяется не последующим, как это характерно для современного культурного сознания, а продолжает существовать в своей реальности вечно. Каждое новое событие такого ряда не есть нечто отдельное от «первого» его прообраза – оно лишь представляет обновление и рост этого вечного события. Такое восприятие времени обращает мысль не к концу или результату, а к его истокам. Своеобразное понимание природы времени К. С. Аксаков и стремился отразить в своей грамматике, сохраняя преемственность с древнерусскими памятниками письменности.

Отрицая категорию времени, К. С. Аксаков в качестве аргумента, помимо исторического опыта использования глагола, приводил известные идеологические рассуждения. Он считал, что «русский глагол» потому пренебрегает категорией времени, что последняя представляет собой продукт абстрактного рационалистического подхода к жизненному опыту. Рационалистическая мысль отвлекается от непосредственного характера действия, со-

средоточиваясь вместо этого на отвлеченных от самого действия условиях, в которых оно протекает. В отличие от европейских языков, значение русского глагола направлено на выявление качественной сущности действия. «Глагол в русском языке, – подчеркивал К. С. Аксаков, – выражает самое действие, его сущность... Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону или качество действия, и от качества уже вывел, по соответствию, заключение о времени... Вопрос качества, вопрос: *как?* есть вопрос внутренний и обличает взгляд на сущность самого действия; вопрос времени, вопрос: *когда?* есть вопрос поверхностный и обличает взгляд на внешнее проявление действия. Я несколько не завидую другим языкам и не стану натягивать их поверхностных форм на русский глагол» [2, с. 414, 416].

Философско-лингвистические рассуждения К. С. Аксакова содержат немало положений, указывающих на неисчерпаемые познавательные возможности, заложенные в языке. Человек, от природы обладая данным ему сознанием, получает «власть овладевать предметом и становить оный собственностью разума» [5, с. 327]. Благодаря сознанию, природа во всей своей естественности становится доступной человеку. Как только человек «сознал ее, произнес слово, назвал», она в его руках, вся перешла в его внутренний мир и стала его собственностью, подвластной его разуму. Но поскольку сознание без выражения быть не может, то решающую роль в познании К. С. Аксаков отводит слову, которое «есть выражение сознания» [1, с. 3].

В «Опыте русской грамматики» К. С. Аксаков предпринимает попытку проследить превращение мысли в слово, раскрыть механизм познавательной деятельности человека. Он отмечает специфический характер отображения человеком предметного мира: «сознание не есть простое отражение предмета» [3, с. 1]. Мыслитель не связывает это отражение с чувствами человека, ибо это было бы не познание, а ощущение. К. С. Аксаков указывает на то, что сознание дает предмету образ, который он переносит во внутренний мир духа, в область разума, выражая его в слове особой формой – именем. Познание образа предмета, закрепление его в имени есть первая ступень познания.

Благодаря слову, с одной стороны, стал доступен внешний мир, который сознательно в нем отразился, «теряя свою материальную неуступчивость, улечиваясь и получая сознательный, прозрачный вид слова» [3, с. 4]. С другой стороны, в слове нашел свое выражение внутренний мир человека, «выходя из неясности, обозначаясь и приобретая определенный образ» [3, с. 4]. Слово, таким образом, выступает в философии языка К. С. Аксакова как тот новый мир, благодаря которому природа, дух, жизнь, все бы-

тие осознанно и действительно предстает перед человеком. Неразрывная связь мысли со словом означает, что человек посредством слова не просто в сознании «повторяет предмет», но это удвоение есть возвращение его самого на себя на почве знания и выражается предлогом «со»: со-знание [3, с. 3]. Человек со знанием, с полным отчетом в этом понимании предмета и есть познающий субъект, по мысли К. С. Аксакова.

С помощью слова человек строит разумную жизнь, ибо «в слове все разумно» [3, с. III]. Язык является словесным выражением разумного, воплощением соборного разума народа. К. С. Аксаков убежден в том, что «русский язык ближе всех к языку первоначальному и в особенности удержал разумную сторону слова» [5, с. 337]. Истоки его разумного начала мыслитель связывал с идеей соборности как «единства во множестве», где истина есть результат работы соборного разума, воплощающего мысленную работу каждого из его членов.

К. С. Аксаков полагал, что «все, что только возвышается над народной жизнью, что является как сфера мысли, общего, необходимо принимает формы языка» [5, с. 218]. Отсюда убеждение, что язык – это «неразрывный синоним народа», «язык – народ» [3, с. XVIII]. Язык для славянофилов не нечто отвлеченное, а живое или, как писал сам К. С. Аксаков, живущее в неразрывном единстве с духом и мыслью народа. Поэтому история языка воспринималась ими как история народа. Язык – это даже не столько язык, сколько народ, на нем говорящий.

Из такого подхода с неизбежностью вытекал вывод об уникальности каждого языка, его непохожести на другие, поскольку уникален воплощенный в нем духовный опыт народа. История народа становилась материальной базой для изучения истории языка, и теоретические основания истории языка черпались из того же источника, что и идеи развития народа. К. С. Аксаков выступал убежденным противником универсальной формально-логической грамматики, в какой бы форме она ни выступала. Основой для построения грамматики русского языка, по его мнению, является глубокое изучение национального языка в его развитии, освобождение русской грамматики от оков универсальной логико-схоластической систематики. Осознание глубокой внутренней связи между языком и народом обуславливало рассмотрение истории народа как основы для изучения истории языка.

К. С. Аксаков сознательно придает слову действенную жизнеотворяющую функцию, пытаясь отыскать такие разумные формы жизни и деятельности, которые бы способствовали общественному прогрессу, процветанию России. В споре с А. В. Сухово-Кобылиным он замечает: «Кобылин, как материалист, думает, что чело-

век ничего не изобрел, но все получил извне, что он копирует только природу; а я думаю, напротив, что человек все развивает из себя и все внешние впечатления подчиняет тому образцу, который лежит во глубине его духа. Правда, природа внешняя дает иногда толчок его развивающей силе, наводит его на мысль, но развивает и мыслит сам человек, а внешняя природа есть, так сказать, только предлог для постепенного развития всех духовных его сил» [6, с. 87–88]. По мнению мыслителя, «материальное, хотя, по-видимому, властительное, отношение не дает обладания природою» [3, с. 2]. Вся предметно-практическая деятельность людей вторична, поскольку она возможна только благодаря говорящему, разумному существу. Отсюда вытекало утверждение славянофилов о самодостаточности таких явлений, как национальное самосознание, нравственный потенциал русской культуры, православия и т. д. как тех условий, благодаря которым возможно обеспечить ведущее место России в историческом развитии.

Интерес к философии языка К. С. Аксакова с годами не иссякает, а получает новый импульс в своем развитии, связанный как с современными методологическими проблемами, существующими в области языкознания, так и с дискуссиями по философско-лингвистическим проблемам на страницах печати и в Интернете. Отечественные языковеды признают, что современная русская лингвистика еще не добилась твердых ответов на коренные вопросы грамматики – о слове как объекте грамматики, о грамматических классах слов, о грамматической форме и грамматической категории, еще не достигла ясных и точных формул, отражающих всю сложность живых языковых процессов. Более того, в господствующей грамматической традиции нередко наблюдается отход от многих конкретных достижений грамматической мысли XIX в. Грубый и наивный эмпиризм, смешанный с формализмом, в понимании структуры слова, склонность к схоластическим спорам о существовании грамматической формы, смешение вещественно-логических и грамматических критериев в классификации слов, отрыв грамматики от словаря и от семантики живого языка, пренебрежение к социальному многообразию стилистических расслоений речи, схематизм и штампованная традиционность грамматических квалификаций являются серьезными болезнями большей части современных грамматических систем [10].

В историографии творчества К. С. Аксакова в связи с актуализацией русской идеи и национального русского самосознания значительное место отводится изучению его роли в развитии русского литературного языка, в развитии языковой и культурной ситуации в России 1830–1840-х гг. В работах современных исследователей рассматривается концепция происхождения и развития

русского литературного языка К. С. Аксакова, доказываемая концептуальная значимость изложенной им картины формирования и эволюции русского литературного языка во взаимодействии с различными стратами и церковнославянским языком [7, с. 73; 14]. Академик В. В. Виноградов называл магистерскую диссертацию русского мыслителя «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» «самым замечательным, до сих пор еще недостаточно оцененным исследованием Аксакова в области русского литературного языка» [8, с. 300]. Представленная в диссертации языковая картина близка сегодняшнему пониманию языковой ситуации Древней Руси с признанием большинством исследователей двух литературных языков, один из которых имел исконную основу и формировался в результате взаимодействия наддиалектных форм языка, диалектов и церковнославянского языка. При этом важным в теории К. С. Аксакова является положение о церковнославянском языке «как орудии истин религиозных», который «не имел и не мог иметь у нас развития» [7, с. 74].

Не меньший интерес представляет и то, как лингвофилософское учение К. С. Аксакова интерпретируется в современной философии языка. С этой точки зрения представляет интерес статья «К. С. Аксаков: лингвист-славянофил или гегельянец?» швейцарского языковеда французского происхождения Патрика Серио, принадлежащего к числу известных зарубежных русистов [12]. В своей статье П. Серио утверждает, что философское обоснование своим размышлениям о неповторимости русского языка К. С. Аксаков находит в немецкой философии. Он пишет: «Работа Аксакова состоит в умозрительной рационализации грамматических категорий русского языка на основе гегельянской философии» [12, с. 32]. В качестве доказательства П. Серио ссылается на аксаковскую теорию формы и концепт «языковое содержание», а также на применение им гегельянской триады к рассуждениям о категории вида русского глагола. Гегельянством, считает он, в той или иной степени отмечены все работы К. С. Аксакова по грамматике. Упреки в «немецкой отвлеченности», которые и при жизни приходилось слышать в свой адрес К. С. Аксакову, были справедливы лишь в той мере, что он использовал диалектический метод, получивший наиболее полное развитие в классической немецкой философии. Как отмечал Д. И. Чижевский, «Аксаков развивает философию языка в духе Гегеля, но выходя за пределы сказанного Гегелем» [15, с. 173]. Применение гегелевской диалектики к явлениям духовной жизни русского народа, его языку позволило ему дать глубоко обоснованный для своего времени ответ на вопрос о месте и роли языка в духовной жизни народа, раскрыть его сущность, сформулировать ряд важных проблем языкознания.

Попытка П. Серио противопоставить Аксакова-лингвиста Аксакову-гегельянцу оказывается достаточно спорной, поскольку русский мыслитель разрабатывал свою лингвофилософию, опираясь на самый передовой философский метод своего времени – диалектику Г. Гегеля. А упрек в том, что во имя гегельянской философии прогресса и эволюции К. С. Аксаков отказывается признать шлегелевскую оппозицию праисторических древних языков и «упаднических» исторических языков, родство между русским и другими индоевропейскими языками, что, по мнению П. Серио, «означало бы отрицать сам объект штудий славянофилов, стремящихся продемонстрировать абсолютное своеобразие, самобытность всего русского» [12, с. 35], отнюдь не доказывает игнорирование русским философом и грамматистом сравнительно-исторического метода в языкознании. А. Ф. Лосев в 1928 г. в набросках к статье «Филология и эстетика Константина Аксакова» отмечал последовательную борьбу К. С. Аксакова «против засилия сравнительно-исторического метода» [11]. К. С. Аксаков противопоставил ортодоксальной сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков и примыкавшей к ней описательной грамматике русского языка философски обоснованный подход к языку. Он прекрасно сознавал, что для того чтобы показать полноценное место русского языка среди европейских языков, необходимо не только на основе сравнения с другими языками раскрыть его не менее длительную историю, пройденную в своем становлении, но и показать совершенство его форм, благодаря чему он обогащает общечеловеческое, являясь носителем духовных богатств народа.

На это же обстоятельство указывает в своей статье «Философ русского языка» М. М. Тягунова, которая подчеркивает, что К. С. Аксаков переносит категорию историчности из социологии на язык, и прежде всего на трактовку слова. Вслед за А. Н. Радищевым ученый настаивает на статическом и динамическом подходах к изучению языка. Он отмечает, что «слово может быть рассматриваемо схваченное в одной точке времени, как уже нечто образовавшееся, постоянно пребывающее в пространстве. Тогда оно становится предметом грамматики. Слово может быть рассматриваемо и в отношении историческом, как нечто совершающееся во времени. Такое развитие слова рассматривает филологическая наука словопроизведение, или этимология». Задача этимологии, по К. С. Аксакову, – «найти законы развития языка», открытие которых объяснит «архитектуру, дух, жизнь, народность языка и народа вместе» [13].

Сквозной темой статьи П. Серио является идея о том, что К. С. Аксаков «интересуется не столько разнообразием явлений,

сколько их различиями, – в частности, различиями, противопоставляющими Россию Европе» [12, с. 32]. «Цель Аксакова, – считает П. Серио, – состоит в том, чтобы воспеть самобытный характер русского языка, в принципе не сравнимого ни с какими другими. Самобытность, по Аксакову, выражается в том, чтобы быть не таким, как другие» [12, с. 35].

Стремление представить нигилистическое отношение русского языковеда ко всему европейскому, балансирующее на грани трансформации в национализм, представляется явным предубеждением швейцарского исследователя. Б. М. Гаспаров справедливо отмечает, что негативное отношение славянофилов к европейскому влиянию вытекало из уродливых форм массовой их рецепции на русской почве. «Совершенно аналогичным образом несколькими десятилетиями ранее основоположники немецкой романтической филологии, от Гердера и Ф. Шлегеля до Боппа, Гумбольдта и Я. Гримма, произносили энергичные тирады против поверхностности французской мысли и французского языка; немецкое национальное самосознание выросло из почвы, подготовленной влиянием французского Просвещения, и выпады против символических “французов” служили риторическим инструментом этого, позитивного в своей сущности, процесса» [9, с. 53].

К. С. Аксаков, конечно, является защитником самобытности русского языка. «Как занимавшийся главным образом русским языком, конечно, и любил его больше других и, как это естественно всякому человеку своей национальности, хотел видеть в нем свой самобытный и самостоятельный путь, борясь против позитивистического обезличивания и подавления русской индивидуальности» [11]. Цели К. С. Аксакова, как подчеркивает А. Ф. Лосев, были философские и философски-культурные, а не чисто филологические. «Он дал философскую теорию языка. И вот ее-то никто никогда и не хотел и не мог ни увидеть, ни понять у А (Аксакова. – *Н.Б.*). Это учение о слове хочет быть (и есть) философская концепция языка, которая хотя и зависит причинно от любви к родному языку, от ученой осведомленности в нем и от художественных интуиций, но есть нечто совершенно отличное от них и принципиально в них не нуждается» [11].

Философия языка К. С. Аксакова даже через призму современной науки является образцом глубокого и комплексного подхода к изучению языка, сочетающего в себе передовые методы исследования, эволюционистский подход, учитывающий влияние исторических и социокультурных факторов, опирающийся на фундаментальные философско-методологические основания. Это способствует тому, что целостное философское учение о языке

К. С. Аксакова и по сей день привлекает к себе внимание современных исследователей.

Литература

1. Аксаков К.С. О грамматике вообще (По поводу грамматики г. Белинского) // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М., 1875.
2. Аксаков К.С. О русских глаголах // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М., 1875.
3. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Ч. 2. М., 1880.
4. Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаява // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М., 1875.
5. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М., 1875.
6. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998.
7. Бекасова Е.Н. Природа русского литературного языка: концепция К. С. Аксакова // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84.
8. Виноградов В.В. Русская наука о русском литературном языке // История русских лингвистических учений. М., 1978.
9. Гаспаров Б.М. Лингвистика национального самосознания. (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) // Логос. 1999. № 4.
10. Исторические корни современных грамматических учений. URL: <https://lectsii.org/8-62013.html>.
11. Лосев А.Ф. Филология и эстетика Константина Аксакова. URL: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/kritika-ob-aksakove/losev-filologiya-i-estetika.htm>.
12. Серюи П. К. С. Аксаков: лингвист-славянофил или гегельянец? // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
13. Тягунова М.М. Философ русского языка. URL: <http://russmir.info/nay/308-filosof-russkogo-yazyka.html>.
14. Чапаева Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2007.
15. Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж, 1939.

Bezlepkin, Nikolai I. *Konstantin Aksakov's language philosophy*

References

1. Aksakov, K.S. O grammatike voobshche (Po povodu grammatiki g. Belinskogo) [On grammar in general (Concerning the grammar by Mr. Belinsky)], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works], vol. II, ch.1, Moscow, 1875.
2. Aksakov, K.S. O russkikh glagolakh [On Russian verbs], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works], vol. 2, ch. 1, Moscow, 1875.

3. Aksakov, K.S. Opyt russkoy grammatiki [An essay on the Russian grammar], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works], vol. 3, ch. 2, Moscow, 1880.
4. Aksakov, K.S. Kriticheskiy razbor “Opyta istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka” F. Buslaeva [Critical analysis of “An essay on the historical grammar of the Russian language” by F. Buslayev], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works], vol. II, ch.1, Moscow, 1875.
5. Aksakov, K.S. Lomonosov v istorii russkoy literatury i russkogo yazyka [Lomonosov in the history of the Russian literature and Russian language], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works], vol. II, ch.1, Moscow, 1875.
6. Annenkova, E.I. *Aksakovy* [The Aksakovs], St. Petersburg, 1998.
7. Bekasova, E. N. Priroda russkogo literaturnogo yazyka: kontseptsiya K. S. Aksakova [The essence of the Russian literary language: K. S. Aksakov’s approach], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history], 2013, No. 31 (322). Vol. 84.
8. Vinogradov, V. V. Russkaya nauka o russkom literaturnom yazyke [The Russian science about the Russian literary language], in *Istoriya russkikh lingvisticheskikh ucheniy* [The history of Russian language theories], Moscow, 1978.
9. Gasparov, B.M. Lingvistika natsional'nogo samosoznaniya (Znachenie sporov 1860–1870 gg. o prirode russkoy grammatiki v istorii filosofskoy i filologicheskoy mysli) [Linguistics of the national self-consciousness (The meaning of disputes of 1860–1870-s on the essence of the Russian grammar in the history of philosophical and philological thought)], in *Logos*, 1999, No. 4.
10. *Istoricheskie korni sovremennykh grammaticheskikh ucheniy* [Historical roots of the modern grammars]. URL: <https://lektsii.org/8-62013.html>.
11. Losev, A.F. *Filologiya i estetika Konstantina Aksakova* [Philology and aesthetics of Konstantin Aksakov]. URL: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/kritika-ob-aksakove/losev-filologiya-i-estetika.htm>.
12. Serio, Patrik. K. S. Aksakov: lingvist-slavyanofil ili gegel'yanets? [K. S. Aksakov: is he a linguist-Slavophile or a Hegelian?], in *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 2005, No. 1.
13. Tyagunova, M.M. *Filosof russkogo yazyka* [Philosopher of the Russian language]. URL: <http://rusmir.info/nay/308-filosof-russkogo-yazyka.html>.
14. Chapaeva, L.G. *Kul'turno-yazykovaya situatsiya v Rossii 1830–1840-kh gg. v kontekste sporov slavyanofilov i zapadnikov: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk* [The cultural and language situation in 1830–1840 Russia in the context of disputes between Slavophiles and Westernizers: The author’s abstract of the Doctor of Philology thesis], Moscow, 2007.
15. Chizhevskiy, D.I. *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia], Paris, 1939.